

К 150-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ
АРХИЕПИСКОПА ХЕРСОНСКОГО И ТАВРИЧЕСКОГО
СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (БОРИСОВА)

Л. В. Мельникова*

Патриотическая деятельность
архиепископа Иннокентия (Борисова)
в годы Крымской войны
(1853–1856 гг.)

В 2007 г. исполнилось 150 лет со дня преставления выдающегося русского богослова и проповедника архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова; 1800–1857 гг.). Его деятельность и духовное наследие имеют непреходящее значение для русской национальной культуры. Разносторонние способности и редкий дар слова позволяли Иннокентию откликаться на важнейшие события в жизни российского общества и принимать в них непосредственное участие. Его проповеди печатали ведущие периодические издания, а обширная переписка, хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, свидетельствует о значительном влиянии его личности на разные сферы научной, церковной, государственной и общественной жизни. О широте кругозора и несомненных заслуг архиепископа Иннокентия говорят его многочисленные звания и награды: член Святейшего Правительствующего Синода, ординарный академик Императорской Академии наук, почетный член всех четырех духовных академий (Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской), Московского, Санкт-Петербургского и Харьковского университетов, Императорского общества сельского хозяйства Южной России, Вольного экономического общества, Императорских Археологического и Русского Географического обществ, кавалер орденов св. Александра Невского, св. Владимира 2-й степени, св. Анны 1-й степени, греческого ордена Спасителя 1-й степени¹. Особое место в биографии Иннокентия занимает Крымская война, когда один из основных театров военных действий развернулся на территории вверенной ему епархии. Труды архиепископа в эти годы представляют собой яркий пример активного участия духовенства в общем деле борьбы с врагом во имя интересов Российского государства и православной Церкви.

* © Мельникова Л. В., 2007

Любовь Владимировна Мельникова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

В отечественной историографии жизнь и деятельность Иннокентия (Борисова) изучены недостаточно. Научной биографии великого иерарха до сих пор не существует. Единственным серьезным исследованием на эту тему по-прежнему остается сочинение священника Тимофея Буткевича «Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский». Однако, по собственному признанию автора, в его задачу не входило составление «полной биографии Иннокентия»². Буткевич сосредоточил основное внимание на деятельности архиерея на Харьковской кафедре (1840–1848 гг.), которую исследовал по документам из архива Харьковской духовной консистории. Остальные периоды его жизни автор кратко пересказал по опубликованным материалам. Краткие биографические очерки жизни владыки Иннокентия принадлежат также митрополиту Макарию (Булгакову)³, Н. И. Барсову⁴, Н. М. Востокову⁵. Отдельные аспекты его деятельности (административной, научной, проповеднической, общественной) рассмотрены в ряде журнальных статей⁶. Значительные сведения об архиепископе Иннокентии и его времени содержатся в опубликованных Н. И. Барсовым материалах для его биографии⁷ и в подготовленном М. П. Погодиным сборнике «Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического» (М., 1867), представляющем собой собрание избранных проповедей иерарха, заметок и воспоминаний о нем.

Практически во всех перечисленных изданиях деятельность архиепископа Иннокентия во время Крымской войны затрагивается кратко, в основном по опубликованным ранее материалам. Лишь упомянутые работы Барсова основаны на архивных источниках (большая их часть является описанием и публикацией части переписки Преосвященного), однако период Крымской войны и в них освещен фрагментарно. В настоящей статье я попытаюсь подробно рассмотреть и проанализировать этот вопрос, опираясь главным образом на архивные документы, проповеди и речи Преосвященного, его переписку и воспоминания современников.

Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов) родился 15 декабря 1800 г.⁸ в городе Ельце Орловской губернии в семье священника. В 1810 г. поступил в Воронежское епархиальное училище, однако, заболев оспой, вынужден был оставить его. В 1819 г. окончил Орловскую Духовную семинарию, для поступления в которую был подготовлен священником елецкой Введенской церкви Василием Федоровичем Климентовым⁹. В 1823 г. по окончании Киевской Духовной академии (со степенью магистра богословия) И. А. Борисов был назначен инспектором и профессором церковной истории и греческого языка Санкт-Петербургской Духовной семинарии и ректором Александро-Невского духовного училища. 10 декабря 1823 г. принял постриг и был рукоположен во диакона, а 29 декабря того же года — во иерея. Через год переведен в Санкт-Петербургскую Духовную академию бакалавром богословских наук. В последующие годы был инспектором, членом правления и конференции той же академии, в 1826 г. возведен в звание экстраординарного профессора и в сан архимандрита. В сентябре 1829 г. за ряд богословских сочинений¹⁰ архимандриту Иннокентию была присуждена степень доктора православного

богословия. В августе 1830 г. он был назначен ректором и профессором богословских наук Киевской Духовной академии и одновременно настоятелем Киево-Братского монастыря. В течение 10 лет своего ректорства Иннокентий (в 1836 г. хиротонисанный во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии) написал десятки научных работ, опубликовал 5 сборников проповедей¹¹ и провел в академии ряд реформ, среди которых наиболее значительной была отмена преподавания на латинском языке. 1 марта 1840 г. он был перемещен на самостоятельную епископскую кафедру в Вологду, а 31 декабря того же года — в Харьков. За обширные труды по управлению Харьковской епархией 15 апреля 1845 г. он был возведен в сан архиепископа.

Ко времени назначения на Херсонскую кафедру (24 февраля 1848 г.) владыка Иннокентий был уже широко известен как талантливый богослов, церковный историк, проповедник и администратор. Большой опыт и авторитет позволили ему направить основные усилия на устройство «Крымского Афона» (воссоздание древних христианских святынь в Инкермане, Бахчисарае и прежде всего в Херсонесе, где принял когда-то крещение св. равноап. князь Владимир), а также развернуть активную патриотическую деятельность во время Крымской войны.

Еще до начала военных действий архиепископ Иннокентий, благодаря постоянным контактам с членами Русской духовной миссии в Иерусалиме, с настоятелями посольских церквей в Константинополе, Афинах и Бухаресте, с некоторыми греческими учеными и жившим в Одессе греческим митрополитом Агафангелом, был хорошо знаком с состоянием церковных дел на православном Востоке и с помощью русских дипломатов (посланника в Константинополе В. П. Титова и генконсула в Бейруте К. М. Базили) предпринимал меры для улучшения положения православного болгарского населения Турции. В Одессе стараниями Херсонского архиепископа было устроено Болгарское настоятельство, взявшее на себя попечение о болгарских эмигрантах из Турции. Когда в июле 1853 г. русские войска под командованием князя М. Д. Горчакова заняли Молдавию и Валахию, член одесского Болгарского настоятельства Н. Х. Палаузов по рекомендации архиепископа Иннокентия написал для Генерального штаба записку о Болгарии и вскоре был прикомандирован к главнокомандующему русской армией «для сношений с болгарями», оказавшись весьма полезным на этом поприще. По свидетельству Палаузова, владыка Иннокентий сказал ему: «Напиши так, чтобы показать нашим генералам, что такое Болгария и болгары», ибо они «собираются воевать и не знают народа, за который хотят сражаться»¹².

В речи по случаю объявления Высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою» (20 октября 1853 г.) архиепископ Иннокентий раскрыл религиозный смысл начавшейся войны и разъяснил своей пастве ее причины. Дело в том, что спусковым механизмом военного конфликта стала передача турецкими властями под нажимом французских дипломатов ключей от вифлеемского храма Рождества Христова, принадлежавших традиционно православным, католическому духовенству. Император Николай I, считавший себя покровителем и гарантом прав православного населения Османской

империи, не мог не вмешаться в ситуацию. Разумеется, война имела глубокие политические и экономические причины, но среди множества вызвавших ее факторов ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов и духовного, церковно-политического аспекта. Именно эту сторону и подчеркнул архиепископ Иннокентий, отмечая, что войну объявила Турция, отказавшись выполнить «самые справедливые и необходимые» требования России: даровать «храмам православным и их служителям» в Османской империи ту «свободу и неприкосновенность, которую издавна пользуются в пределах наших все мечети»; не передавать «из рук в руки, как некие места купли и продажи» «святые места иерусалимские, куда ежегодно текут тысячи набожного народа русского», а оставить их «под надзором их естественных хранителей» — греков; наконец, предоставить России возможность защищать «братий наших по вере». Занятие русскими войсками дунайских княжеств было, по мнению Херсонского архиерея, превентивной мерой, оставлявшей еще возможность решить спор о святых местах мирным путем, однако начало Турцией, поддержанной западными державами, военных действий не оставило России иного выбора. «Отныне, — говорил архиепископ, — дело наше или, вернее сказать, дело всего христианства, в руках уже не человеческих, а Божиих». Преосвященный призвал свою паству к молитве о скорейшем наступлении мира и о даровании Богом «православному воинству» «духа крепости», императору — «премудрости», а «единоверным собратьям нашим, живущим в пределах вражьих» — «веры, терпения и благоразумия»¹³.

В конце марта 1854 г., беседуя со священником прибывшего в Одессу Белгородского уланского полка, архиепископ Иннокентий заметил: «К нам скоро, вероятно, пожалуют заморские гости... На Вас как на полковом священнике лежит важная обязанность в настоящее военное время: не переставайте внушать духовным Вашим детям их высокие обязанности по отношению к Церкви, государю и Отечеству. В минуты опасности воодушевляйте их словом святой нашей религии»¹⁴.

8 апреля 1854 г. соединенный англо-французский флот подошел к Одессе. Два дня спустя, в Великую субботу, город подвергся продолжительной (12-часовой) бомбардировке. Несмотря на опасность, во всех храмах города в этот день были проведены богослужения. В одесском кафедральном соборе священнодействовал сам архиепископ. О личном мужестве владыки и его благотворном влиянии на испуганных горожан сохранились воспоминания очевидца А. Н. Стрехина (впоследствии директора Феодосийского карантинного пункта), записанные им в 1885 г.: «Когда над Одессой раздались первые раскаты вражеских бомб, не скрываю, это произвело на меня тяжелое впечатление; я был в каком-то раздумье; не знал, что делать; но, выйдя из дому, увлекся общей народной суматохой и незаметно очутился у соборной площади... собор был уже открыт, туда стекались молящиеся... Когда вошел в церковь, глазам моим представилась следующая картина. Преосвященный Иннокентий, смиренный и покойный, стоит на амвоне посреди церкви в полном облачении, готовый приступить к священнодействию. Коль скоро он проследовал в алтарь, в ту минуту раздается треск от лопнувшей вблизи неприятельской бомбы; оско-

лок попадает в купол собора; все потрясается; стекла сыплются из верхних окон, и масса людская как-то заколебалась. Преосвященный выходит из царских врат со светильниками и благословляет всех. Лицо этого великого витии представляло в тот момент поистине апостольский вид: никакого смущения или возбуждения, одна лишь скорбь просвечивалась в нем. В утешение присутствующих он сказал слово по поводу тогдашних обстоятельств; а затем служение продолжалось так, как бы ничего особенного и не произошло»¹⁵.

В своем слове, произнесенном в Великую субботу, архиепископ Иннокентий похвалил прихожан за то, что во время обстрела они не оставили храма. Призывая жителей «не унывать и не смущаться безотрадно», Преосвященный заметил: «Важно не то, что происходит теперь, а то, с кем теперь Господь: с нами или с врагами нашими... А Господь с нами, кои... подвигаемся во славу пресвятого имени Его, сражаемся не за наши какие-либо выгоды, а за веру православную, за Гроб Господень и за угнетенных собратий наших по вере... Если же Господь с нами, то чего нам страшиться? Он... защитит нас от всякого зла». Бомбардировку города накануне Пасхи Иннокентий назвал знаменем свыше. «Враги наши, может быть, думали преогорчить этим для нас свое нападение, а в самом деле они усладили сим всю его горечь: ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вместе с Господом, у его Животворящего Креста и Живоносного Гроба». Призвав духовенство и прихожан готовиться к ночному пасхальному богослужению, Иннокентий высказал уверенность в благоприятном исходе событий: «За Великую Субботою всегда следует светлый день Воскресения: не замедлит и за настоящею, сугубо Великою для нас Субботою последовать сугубо Великое Воскресение, то есть вместе с Воскресением Господа и наше избавление от обидевших нас зол, а впоследствии и воскресение всего православного Востока из гроба четырехвекового рабства мусульманского»¹⁶.

11 апреля в письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову Иннокентий описал события последних дней (пасхальное воскресенье, по его словам, прошло «довольно спокойно, хотя один из пароходов подходил стрелять по... гавани»), особо подчеркнув при этом, что «народ православный покоен, и возгласенное ему во время канонады с амвона слово, что Одесса в самый день Гроба Господня удостоилась пострадать за Гроб Господень и веру православную и крестилась кровью и огнем, произвело благотворное действие». «Непрерывающееся от грома орудий служение в храмах,— писал архиепископ,— также содействует к ободрению и утешению народа, что будет... производимо и впредь»¹⁷.

Представители гражданской власти также сообщили обер-прокурору Святейшего Синода о патриотических действиях Херсонского архиерея, прося довести их до сведения императора. Так, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор Н. Н. Анненков 17 апреля 1854 г. писал Протасову, что ежедневные богослужения, проводимые архиепископом и подчиненным ему духовенством «во время пятисуточной стоянки неприятельских эскадр на Одесском рейде и бомбардирования города», а также слова и речи владыки «без сомнения содействовали к одушевлению обывателей и к поддержанию

в городе... спокойствия и порядка»¹⁸. «В настоящие времена испытания, — писал 16 апреля обер-прокурору генерал-адъютант Д. Е. Остен-Сакен, — Иннокентий ревностно подвизается на поприще своем: не упускает ни одного случая для внушения назидательными беседами после каждой литургии преданности к престолу, любви к Отечеству, веры и проистекающего из нее спокойствия»¹⁹. Резолюция Николая I на соответствующем докладе Протоцова гласила: «Достойно служителя Церкви Христовой»²⁰. Святейший Синод постановил сообщить Иннокентию резолюцию императора и «за пастырскую ревность» объявить ему признательность²¹. 9 мая Одесса получила «Всемиловнейшую грамоту за сохранение спокойствия, порядка и благочиния во время бомбардирования ее флотом неприятельским», а 25 июня Николай I подписал рескрипт на имя архиепископа Иннокентия, в котором сообщалось о пожаловании ему «в ознаменование особенного монаршего благоволения к столь доблестному служению» алмазного креста для ношения на клобуке²².

За время Крымской войны архиепископ Иннокентий произнес десятки слов и речей в разных местах своей епархии (Одессе, Севастополе, Симферополе и др.). Его речи были обращены к воинам, отправлявшимся на фронт, к солдатам и офицерам, уже находившимся на огневом рубеже, к сестрам Крестовоздвиженской общины, ухаживавшим за ранеными, но чаще всего — к мирным жителям, которым архиепископ объяснял смысл происходящего, внушал доверие и преданность властям, уверенность и спокойствие. Ни одно из важных военных событий не было оставлено им без внимания: взятие в плен и сожжение английского фрегата «Тигр», выход Высочайшего манифеста о государственном ополчении, кончина Николая I, оставление южной части Севастополя, взятие турецкой крепости Карс на Кавказе и многое другое. Проповеди Херсонского архиерея публиковались в местных органах печати («Одесский вестник» и др.), в центральных газетах и журналах («Северная пчела», «Москвитянин», «Христианское чтение» и др.), в 1855–1856 гг. они вышли отдельным 2-томным изданием²³, а позднее вошли в 8-й том собрания его сочинений. Их читала вся страна, с волнением следившая за ходом военных действий. «Вашему Высокопреосвященству, — писал Иннокентию 31 декабря 1854 г. митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), — достался в удел особенный пастырский подвиг в сию годину». «На паству Вашу, — отмечал он в другом письме от 4 апреля 1855 г., — в настоящее время обращено внимание всего мира»²⁴. «Мы здесь все, — писал 10 сентября 1854 г. из Санкт-Петербурга епископ Макарий (Булгаков), — с восхищением читаем Ваши архипастырские слова и речи по случаю современных событий; с восхищением услышали и о новой монаршей к Вам милости [пожаловании алмазного креста. — Л. М.] за доблестный подвиг, относящийся к чести и славе отечественного духовенства»²⁵. Наказной атаман войска Донского М. Н. Хомутов, поздравляя архиепископа Иннокентия с новым, 1855, годом, писал: «Ваши подвиги, христиански-патриотические назидания в войне за православию и угнетенных братьев наших наполнили сердца донцов глубокою к вам преданностью. Одушевленные сими чувствами, они пламенно желают, да укрепит Всевышний ваше здоровье и силы для новых подвигов в служении Цер-

кви и престолу, дабы православная Россия могла долго внимать вдохновенному гласу ваших бессмертных творений»²⁶.

В сентябре 1854 г., когда в Крыму начались военные действия, владыка Иннокентий, желая быть в той части своей епархии, которой наиболее угрожает опасность, решил объехать Крымский полуостров и непременно побывать в Севастополе, к которому после битвы на реке Альме отступили русские войска под командованием князя А. С. Меншикова и куда стягивались значительные силы противника. На письме Протасова, где сообщалось о намерении архиерея, Николай I пометил карандашом: «Похвально, но вряд ли доедет свободно». Считая, что прибытие архиепископа Иннокентия «на театр войны будет иметь самое полезное влияние и на жителей, и на войска», император поручил Н. Н. Анненкову передать ему свое «монаршее благоволение»²⁷.

Николай I оказался прав. В свою первую поездку по охваченному войной Крыму (с 10 по 29 сентября 1854 г.) архиерею не удалось побывать в Севастополе. Он двигался по суше, а все дороги к городу были уже перерезаны неприятельскими войсками. Архиепископ побывал в Севастополе позднее, в более тяжелое для города время, а пока он посетил основные населенные пункты полуострова: Перекоп, Симферополь, Бахчисарай, Феодосию и Геничesk. В каждом городе владыка Иннокентий произносил проповеди, стараясь ободрить и успокоить мирных жителей, напуганных не только нашествием неприятеля, но и развернувшимся в то время восстанием крымских татар. В Симферополе архиерей временно оставил приготовленную им для благословения защитников Севастополя Касперовскую икону Божией Матери. Сообщая Протасову о своей поездке, архиепископ Иннокентий с удовлетворением отметил, что «оставшиеся по городам жители везде показывали благочестивое расположение духа и усердно спешили в храмы на молитву», а православное духовенство повсеместно найдено им «при исполнении своего долга». Преосвященный также довел до сведения обер-прокурора, что из уже захваченных в то время городов (Ялты и Евпатории) наиболее ценная церковная утварь была заблаговременно вывезена, а некоторые из священников не покинули храмов на оккупированной территории, чтобы «не оставить своих прихожан без духовной помощи»²⁸. В мае 1855 г. по мере продвижения неприятеля и занятия им Бердянска, Керчи и Еникале церковные ценности из этих городов были также эвакуированы, а многие священнослужители добровольно остались на своих местах²⁹.

Особым предметом попечения Херсонского архиепископа в военное время стали госпитали. 15 ноября 1854 г., получив от полковника Струкова, занимавшегося по поручению главнокомандующего Южной армией князя Горчакова устройением временных лазаретов для раненых воинов, просьбу о предоставлении для этих целей какого-либо епархиального здания, архиепископ передал в его распоряжение Корсунский монастырь «как ближайшее место к Крымскому полуострову». Монастырскому начальству Иннокентий тут же отправил предписание: в случае необходимости освободить для нужд госпиталя все удобные помещения, включая настоятельский дом,

принять на счет монастыря обеспечение раненых питанием, «духовной и вещественной помощью»³⁰.

В то же время, узнав о нехватке военного духовенства для окормления раненых как на фронте, так и в госпиталях, Иннокентий предписал священнослужителям епархиального ведомства посещать воинов в лазаретах и при перевозке их туда с мест сражений. Кроме того, «из-за небольшого числа в Крыму белого духовенства» архиепископ приказал настоятелю крымских скитов, «оставив кого-либо для охранения своих мест, всех иеромонашествующих выслать» немедленно «на те пункты, где находятся раненые воины, как в лазареты, так и на самое поле брани»³¹.

Среди духовных лиц крымских скитов, откомандированных для заботы о раненых воинах, был иеромонах бахчисарайского Успенского скита Иоанникий (Савинов), ставший вскоре одним из двух священников — георгиевских кавалеров периода Крымской войны. Он попал на службу в 45-й флотский экипаж и неоднократно отличился во время обороны Севастополя. Наиболее ярким подвигом отца Иоанникия стало его внезапное появление в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. среди солдат отряда генерал-майора С. А. Хрулёва, предпринявшего вылазку для разрушения неприятельских траншей, построенных рядом с Камчатским редутом. О. Иоанникий с крестом в руках и пением молитвы за царя сначала увлек солдат Камчатского, Днепровского и Волынского полков в атаку, а затем, когда враг был оттеснен за 2-ю линию, а подступы к траншеям разрушены, помог батальонам вернуться обратно. Разгоряченные боем солдаты левого фланга, командир которого подполковник Радомский был выведен ранением из строя, отказывались поверить сигналу отбоя, неоднократно использовавшемуся прежде врагом для дезинформации, и только слова отца Иоанникия, переданные по личной просьбе Хрулёва, убедили их в необходимости отступления. За этот подвиг 15 мая 1855 г. иеромонах Иоанникий был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса³². 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Волынский и Камчатский редуты о. Иоанникий был ранен в ногу³³. Ногу ампутировали, но 9 июня 1855 г. священник умер. Другие иеромонахи крымских скитов добросовестно выполняли свои обязанности в госпиталях. Многие из них перенесли тиф и другие болезни, один иеромонах скончался³⁴.

В июне—июле 1855 г., во время 2-й поездки по Крыму, архиепископ Иннокентий посетил госпитали в Бахчисарае, Симферополе, Перекопе, Каховке, Бериславе, Херсоне и Николаеве³⁵. Раненым от его имени раздавались иконы и другие пособия; священнослужители, работавшие в госпиталях, постоянно получали материальную помощь. К сестрам Крестовоздвиженской общины, созданной в Санкт-Петербурге по инициативе великой княгини Елены Павловны для ухода за ранеными и переправленной в Севастополь, архиепископ Иннокентий неоднократно обращался с пастырскими наставлениями, непременно подчеркивая при этом особую высоту их призвания. «Вы исходите на служение болящим,— говорил архиерей в одной из проповедей,— не от себя токмо одних, а от лица всего Отечества; вы должны потрудиться не для обыкновенных больных, а для тех, кои сами подвизались для Отече-

ства до того, что полагали за него... самую жизнь свою. Покажите же им — вашим усердием, вашим самоотвержением, вашим сердоболием, — как высоко ставит Отечество подобные подвиги, как много уважает раны своих мужественных защитников, как готово к удовлетворению их нуждам!.. При каждом удобном случае возвещайте им, что святая Церковь молится усердно и всегда будет молиться о них, живых и умерших, что... государь прилежно печется... об их участи... что по всем краям России прославляют их мужество и удивляются их подвигам, что, наконец, кровь их пролита не напрасно»³⁶. 10 декабря 1854 г. «за заботливость о раненых воинах, проливших кровь за веру, царя и Отечество в Крыму» архиепископу Иннокентию была объявлена признательность Святейшего Синода. 30 апреля 1855 г. он получил благодарственный рескрипт от великой княгини Елены Павловны «за особенное пастырское участие в благоустроении Крестовоздвиженской общины сестер милосердия», а 10 ноября того же года — «монаршую благодарность» «за пожертвование в Бериславский военно-временный госпиталь 2 пудов сахару и 4 фунтов чаю»³⁷.

24–27 июня 1855 г. владыка Иннокентий посетил осажденный Севастополь. Первый день его пребывания в городе довольно подробно отражен в воспоминаниях флотского иеромонаха, скрывшего, к сожалению, свое имя за инициалами И. В. Случайно увидев приехавшего архиерея и узнав, что лица, которые должны были встретить и разместить его, по каким-то причинам не смогли этого сделать, иеромонах до вечера выполнял обязанности сопровождающего. По свидетельству последнего, прежде всего архиепископ Иннокентий внимательно осмотрел с горы линию фронта, подробно расспросил о каждом бастионе, сделал «стратегические замечания» по поводу неприятельской позиции. Своему знакомому генералу Тетеревникову владыка заявил, что хочет «пройти по траншеям», но тот удержал от столь «неуместного самоотвержения». В качестве комментария иеромонах отметил, что, помимо смертельной опасности, которой непременно подвергся бы архиепископ, это не имело особого смысла. В то время положение дел было таково, что «на бастионах и в траншеях нельзя было сказать что-нибудь команде», нередко даже «богослужение отправляли шепотом, чтоб не слышно было неприятелю», ибо, узнав о скоплении в одном месте нескольких человек, враг тут же открывал по нему ожесточенный огонь. Через несколько часов иеромонаху все же пришлось стать свидетелем смелости и хладнокровия владыки Иннокентия. Катер, на котором они направлялись к Графской пристани для свидания на Николаевской батарее с генерал-адъютантом Д. Е. Остен-Сакеном, попал под обстрел. Две бомбы упали совсем близко (одна за кормой, другая перед носом), но архиепископ при этом даже не изменился в лице. После разговора с Остен-Сакеном он съездил также на Инкерманские высоты к главнокомандующему князю М. Д. Горчакову³⁸.

25 и 26 июня архиепископ Иннокентий совершил литургии (в лагерной походной церкви на северном укреплении и в Николаевском соборе), после которых обратился к защитникам города со словами духовной поддержки, особо подчеркнув при этом, что от их усилий во многом зависит исход войны,

в ходе которой решаются проблемы государственного, мирового и религиозного значения. «По всему лицу земли Русской,— говорил владыка,— нет ни одного сына Отечества, который бы в настоящее время не приветил постоянно мыслию своею с вами... не скорбел бы вашими скорбями, не болел вашими ранами, равно как не радовался бы о ваших успехах, не хвалился вашею твердостью и мужеством»³⁸. «Не малое что-либо и даже не просто человеческое происходит здесь... решается судьба Востока и Запада, а может быть, и всего света... Огонь настоящей брани не случайно разгорелся... именно у вас и на том самом месте, где колыбель нашего православия... где Отечество наше встретилось некогда и вступило навсегда в духовный союз с православным Востоком... Сим самым Россия поставлена, можно сказать, в необходимость — стоять за сие место, как за святыню и драгоценность»⁴⁰. «Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высоте, на которую возвел и поставил вас сам Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служение вашей Церкви и Отечеству! Довершайте то, что начато вами так достоуважно и продолжено доселе так беспримерно!»⁴¹.

После литургии в Николаевском соборе, проведенной под неприятельским обстрелом, на площади перед храмом состоялся молебен, на котором архиепископ Иннокентий вручил русским военачальникам несколько икон, присланных из разных мест России — Киева, Новгорода, Москвы для благословения защитников Севастополя: Успения Божией Матери, Знамени Пресвятой Богородицы, Московских первосвятителей и свт. Митрофана Воронежского. Последнюю икону Иннокентий привез в Севастополь лично, в знак своего «пастырского усердия». Архиепископ отметил, что на помощь им явились «в ликах своих угодники Божии» и даже «Сама Царица воинств небесных»⁴². Главнокомандующий князь Горчаков перед лицом всех присутствовавших на молебне воинских чинов выразил Иннокентию «свою признательность за посещение армии в настоящем ее месте и положении»⁴³.

В Севастополе архиерей обошел госпитали, разговаривал с приходским и военным духовенством. Зайдя в Михайловскую (Адмиралтейскую) церковь для богослужения, он с удовлетворением увидел исполнение своего недавнего совета: некий московский купец заказал и прислал защитникам Севастополя в знак «победного знамения христолюбивого воинства» крест, представлявший собой, по преданию, «точное подобие» того креста, что привез из Херсонеса после крещения равноап. князь Владимир⁴⁴. Связь между целями войны (защитой интересов православия в Святой Земле и на Ближнем Востоке) и Крымом, где некогда крестился князь Владимир, а теперь проходили боевые действия, неоднократно подчеркивавшаяся в то время Иннокентием, по его твердому убеждению, должна была усилить в солдатах уверенность в правоте своего дела и укрепить надежду на помощь свыше. 15 июля 1855 г. по представлению Горчакова через военного министра князя В. Долгорукого за поездку в Севастополь и «за внимание к храбрым защитникам Отечества» Иннокентий получил Высочайшую благодарность⁴⁵.

В течение всей войны владыка Иннокентий внимательно следил за ходом боевых действий. По словам близко знавших его людей, он собирал об

этом «самые подробные сведения», «постоянно был обложен картами и планами», походя «более на полководца, нежели на архиерея»⁴⁶. Хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки 9-томная переписка архиерея включает в себя более 500 писем, полученных им во время Крымской войны⁴⁷. Его корреспондентами были не только священнослужители Херсонской епархии, но и множество других духовных, светских и военных лиц. Круг обсуждаемых вопросов очень широк: военные операции, состояние госпиталей, религиозное утешение раненых, снабжение их продовольствием и др. По справедливому замечанию Н. И. Барсова, из этих писем «может составиться самая подробная неофициальная хроника войны», которая позволит во многом изменить и дополнить «историю событий того времени»⁴⁸. Регулярная переписка с генерал-адъютантом Остен-Сакеном, частично опубликованная в «Военном сборнике», характеризует архиепископа Иннокентия не только как горячего патриота, но и как неплохого знатока военного искусства. В качестве примера приведу несколько вопросов архиепископа, касающихся обороны и сдачи Севастополя: «Почему князь Меншиков по прибытии с Альмы в Севастополь не остался в нем для защиты, но последовал с армией на Бельбек и Качу?», «Что, это так называемое фланговое движение было следствием соображения военного и действием ума и расчета или просто делом необходимости?», «Оставленный князем Меншиковым Севастополь что имел тогда для своей защиты и на кого мог надеяться?», «В продолжение осени и зимы был ли одет наш солдат и дошло ли до него множество тулупов и других вещей, купленных в империи?», «Мог ли быть взят нами обратно Малахов курган и что было бы следствием, если бы он был взят?», «Что было бы, если бы сражение на Черной удалось? Не спасло ли бы оно Севастополя?»⁴⁹.

О том, насколько Высокопреосвященный Иннокентий разбирался в военном деле, свидетельствует еще один эпизод. В начале апреля 1854 г., когда командующий одесскими войсками готовился к обороне города на случай блокады или высадки неприятеля, архиерей указал ему на необходимость сооружения нескольких батарей около предместья Пересыпь, очень близко прилегающего к морю. На возражение об излишестве этой меры, поскольку уровень моря там на 5 верст не превышает 4 футов, о. Иннокентий заметил, что при эскадре могут существовать и плоскодонные пароходы, для которых небольшая глубина не послужит препятствием подойти к берегу на небольшое расстояние. Архиепископа не послушали, а между тем плоскодонные суда действительно приблизились к Пересыпи и подвергли ее ожесточенной бомбардировке⁵⁰.

26 сентября 1855 г. неприятельский флот (около 90 судов) вновь появился перед Одессой. Опасаясь новой бомбардировки, владыка по согласованию с гражданским и военным начальством распорядился вывезти из города наиболее ценные вещи из ризницы и утварь, часть консисторского архива, а также, как и в апреле 1854 г., эвакуировать малолетних воспитанниц сиротского приюта при Михайловском монастыре, что и было благополучно исполнено в ближайшие 2 дня. 27 сентября на Соборной площади в присутствии войск

и местных властей был совершен всенародный молебен перед чудотворной Касперовской иконой Божией Матери. В течение 6-дневного стояния неприятельских кораблей на Одесском рейде архиерей ежедневно совершал молебен в кафедральном соборе, всякий раз обращаясь к жителям со словами утешения и духовной поддержки⁵¹. Стараясь предотвратить панику, архиепископ убеждал горожан, что Одесса прекрасно укреплена как с моря, так и с суши и находится под защитой русской армии и «Взбранной Воеводы» (Божией Матери), а также давал им наставления относительно предстоящих действий. «Во-первых,— говорил он,— надо обратиться своими мыслями и лицом не к врагу (за ним будет неусыпно наблюдать начальство), а к Господу Богу, для принесения Ему покаяния в грехах наших и для испрошения у Него небесной помощи и покрова; во-вторых, надо отложить весь излишний страх от воображаемых опасностей, продолжать совершать свои дела и не прерывать обычных взаимных отношений, чтобы сим самым сохранить внутренний порядок и спокойствие и ободрить малодушных; в-третьих, среди самой опасности, если бы она наступила, сохраняя присутствие духа, во всем соображаться с действиями и распоряжениями начальства, помогая усердно как ему, так и храбрым защитникам нашим»⁵². 2 октября неприятельский флот снялся с якоря и отплыл в море, не причинив городу никакого вреда.

В слове, посвященном заключению 18 марта 1856 г. в Париже мира между Россией, Турцией, Англией, Францией и Сардинией, которое было произнесено в одесском кафедральном соборе 8 апреля 1856 г., владыка Иннокентий поблагодарил Бога за дарованный народам мир и заявил, что, несмотря на все уступки, которые была вынуждена сделать Россия, кровь наших солдат пролилась не напрасно, так как достигнута главная, «высокая цель брани» — «восстановление свободы христианства на Востоке» (турецкий султан издал фирман, которым уравнивал в правах всех своих подданных независимо от вероисповедания и национальной принадлежности).

21 апреля 1856 г., отвечая на поздравление архиепископа Иннокентия с праздником Христова Воскресения, митрополит Московский Филарет (Дроздов) отметил: «Как Вы, так и мы утешены, что празднуем в мире. Вы имеете [на это]... особенное право... потому что мы страдали слышанием брани, а Вы входили в самую брань и среди нее подвизались Вашим священным служением и словом»⁵³.

26 августа 1856 г. «за просвещенное пастырское служение, ознаменованное отличными произведениями дара слова к наставлению душ мирным христианским добродетелям, а в минувшие два года увенчанное достохвальными подвигами самоотвержения в назидание и укрепление паствы среди ужасов жестокой брани» архиепископ Иннокентий был введен императором в состав Святейшего Правительствующего Синода⁵⁴. Жителям Херсонской губернии Александр II в тот же день пожаловал благодарственную грамоту с повелением хранить ее копию в одесском кафедральном соборе. В память о Крымской войне архиепископ Иннокентий получил также серебряную медаль на Георгиевской ленте и наперсный бронзовый крест на Владимирской ленте.

После окончания военных действий главной заботой Херсонского архиепископа стало восстановление разрушенных церковных и монастырских зданий, устройство часовен на местах основных сражений, приведение в порядок кладбищ погибших воинов. В апреле 1857 г. он предпринял очередное (последнее в своей жизни) путешествие в Крым, чтобы лично ознакомиться с масштабами нанесенного ущерба и сделать необходимые распоряжения. 21 апреля в Евпатории после литургии он совершил панихиду на братской могиле павших воинов, заповедав делать это ежегодно в день вмч. Георгия и поставить там памятник. Это были его последние богослужение и проповедь⁵⁵. 26 мая 1857 г. после непродолжительной болезни владыка Иннокентий скончался.

Многосторонняя деятельность архиепископа Иннокентия во время Крымской войны снискала ему любовь и уважение не только его паствы, но также армии и всего российского общества. И до того уже известный ученый и проповедник стал знаменит на всю страну и даже за ее пределами, превратившись в национального героя. На примере владыки Иннокентия можно ясно видеть, как много значила для народа позиция и конкретная деятельность Русской Православной Церкви, которая в годы Крымской войны, как и всегда во времена военного лихолетья, оказалась на высоте своего служения, разделив со страной все тяготы и лишения. Давая религиозно-нравственное истолкование причин, целей и смысла войны, Церковь укрепляла моральный дух армии и народа, способствовала национальному единению и вносила всеми имевшимися в ее распоряжении средствами свой вклад в борьбу с врагом. «Крымская эпопея» архиепископа Иннокентия, достойно завершившая его яркое служение России и Русской Церкви, а также деятельность всего православного духовенства придали особый колорит войне и, несмотря на тяжелые для России условия Парижского мира, создали тот потенциал нравственного превосходства, который позволил России в год смерти Высокопреосвященного Иннокентия осуществить мощный духовный и политический прорыв в Иерусалиме и на Ближнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. М., 1867. С. 1–7.
- ² *Буткевич Т., свящ.* Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887. С. 8.
- ³ *Макарий (Булгаков), еп.* Биографическая записка о Преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Ученые записки II отделения Императорской Академии наук. Кн. 5. СПб., 1859. С. XXXVIII–LIV.
- ⁴ *Барсов Н.* Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897; М., 1994. С. 110–115.
- ⁵ *Востоков Н. М.* Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг.: Биографический очерк // Русская старина. 1878. Т. 21. № 2. С. 193–204; № 4. С. 547–572; Т. 23. № 11. С. 367–398; 1879. Т. 24. № 1–4. С. 651–708.

- ⁶ *Левитский Н.* Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Душеполезное чтение. 1902. Ч. 2. С. 282–297, 575–583; Ч. 3. С. 46–55, 307–319, 466–475; *Барсуков Н.* Сведения о жизни архимандрита Иннокентия, ректора Киевской Духовной академии // Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905. С. 208–212; Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857) // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992. С. 69–85 и др.
- ⁷ *Барсов Н.* К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Христианское чтение. 1883. Т. 2. С. 629–656; 1884. Т. 1. С. 188–224; Т. 2. С. 99–161; *его же.* Архиепископ Иннокентий (Борисов), по новым материалам для его биографии. СПб., 1884; Материалы для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского / Изд. Н. И. Барсов. Вып. 1–2. СПб., 1884–1888; *Барсов Н.* Письма разных лиц к преосвященному Иннокентию // Христианское чтение. 1888. Т. 1. С. 199–227; Т. 2. С. 833–853; Письма Макария, митрополита Московского, к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому / Сообщил Н. Барсов // Христианское чтение. 1884. Т. 1. С. 798–817; Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к разным лицам / Сообщил Н. Барсов // Христианское чтение. 1886. Т. 1. С. 226–248.
- ⁸ Все даты приводятся по старому стилю.
- ⁹ До конца жизни с В. Ф. Климентовым (Клементьевым) архиепископа Иннокентия связывали тесные дружеские отношения. Преосвященный вел с ним регулярную переписку, навещал его во время пребывания в родном городе, в трудное время неоднократно помогал его семье деньгами (*Кондаков В. А.* Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический, в письмах к наставнику и руководителю его в детстве священнику Василию Климентову: 1822–1855 гг. // Русская старина. 1881. № 11. С. 575–590).
- ¹⁰ «Жизнь святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского», «Жизнь святого апостола Павла» и «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа».
- ¹¹ Эти и другие работы Высокопреосвященного Иннокентия см.: Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. В 11 т. СПб.; М., 1872–1877.
- ¹² Цит. по: Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857) // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992. С. 78.
- ¹³ Речь по прочтении Высочайшего манифеста о войне с Турцией // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. СПб.; М., 1874. С. 9–11.
- ¹⁴ *Востоков Н. М.* Указ. соч. // Русская старина. 1879. Т. 24. № 1–4. С. 696.
- ¹⁵ Цит. по: *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1888. С. 181–182.
- ¹⁶ Слово во время бомбардирования Одессы неприятельским флотом // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. С. 21–22.
- ¹⁷ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, л. 16, л. 1–3.
- ¹⁸ Там же, л. 5.
- ¹⁹ Там же, л. 6–7.
- ²⁰ Там же, л. 8.
- ²¹ Там же, л. 12.
- ²² Высочайший рескрипт, данный на имя Преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 2. СПб., 1871. С. 130–131.
- ²³ Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии Преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. В 2 т. Одесса, 1855–1856.
- ²⁴ Цит. по: *Буткевич Т.* Указ. соч. С. 370.

- ²⁵ Письма Макария, митрополита Московского, к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому... С. 815.
- ²⁶ Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к разным лицам... С. 235.
- ²⁷ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 16, 18.
- ²⁸ Там же, л. 25 об.
- ²⁹ Там же, л. 54–58, 60–62.
- ³⁰ Там же, л. 31, 31 об.
- ³¹ Там же, л. 30–30 об.
- ³² *Каллистов Н.* Историческая записка о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия // Вестник военного духовенства. 1904. № 14. С. 445–447.
- ³³ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 73.
- ³⁴ Там же, л. 82–82 об.
- ³⁵ Там же, л. 82–83 об.
- ³⁶ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Наставление, сказанное в одесском кафедральном соборе апреля 8-го 1855 г. сестрам Крестовоздвиженской общины попечения о раненых воинах, по изречении ими клятвенного обета на свое служение // Москвитянин. 1855. № 13/14. Кн. 1/2. С. 9.
- ³⁷ Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии. С. 6–7.
- ³⁸ *И. В.* Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. С. 131–134.
- ³⁹ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Слово, произнесенное в Севастополе в лагерной, что на северном укреплении, церкви июня 25-го 1855 года // Москвитянин. 1855. № 13/14. Кн. 1/2. С. 23.
- ⁴⁰ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Слово, сказанное в Севастопольском Николаевском соборе во время бомбардирования сего города неприятелями июня 26-го 1855 г. // Москвитянин. 1855. № 13/14. Кн. 1/2. С. 29–30.
- ⁴¹ Слова и речи, произнесенные Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Слово, произнесенное в Севастополе в лагерной, что на северном укреплении, церкви... С. 25.
- ⁴² Слово, произнесенное в Севастополе после молебствия на Николаевской площади при вручении защитникам его святых икон, присланных им на благословение из разных мест России 26 июня 1855 г. // Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Т. 2. Одесса, 1856. С.99.
- ⁴³ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 81 об.
- ⁴⁴ На лицевой стороне в верхнем ободке — Христос на троне, рядом с ним Богоматерь и Иоанн Предтеча; в среднем — Распятие, у Креста стоят Дева Мария и Иоанн Богослов; в нижнем — Сошествие во ад. На четырех концах креста — 12 апостолов. На обороте изображением апостолов соответствует такое же число серебряных звезд. На оконечностях креста, в ободках, — Рождество Христово, Сошествие Святого Духа, Преображение, Вознесение и Успение Богоматери. На передней стороне, внизу, надпись: «Сим побеждай». На обороте: «Подобие креста, принесенного равноапостольным князем Владимиром из Херсонеса» (Из заметок священника,

ИССЛЕДОВАНИЯ

жившего в осажденном Севастополе // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 5. СПб., 1874. С. 449–450).

⁴⁵ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 94–94 об.

⁴⁶ *И. В.* Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии. С. 131.

⁴⁷ ОР РНБ, ф. 313, ед. хр. 36–44.

⁴⁸ *Барсов Н.* Архиепископ Иннокентий (Борисов), по новым материалам для его биографии. С. 28.

⁴⁹ Граф Остен-Сакен. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. 1861. Т. 20. № 7. С. 131–138.

⁵⁰ *Буткевич Т.* Указ. соч. С. 360.

⁵¹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 100–102.

⁵² Слово после молебствия на Соборной площади по случаю появления пред Одессою многочисленного флота неприятельского // Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. С. 91.

⁵³ *Барсов Н.* К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Христианское чтение. Т. 1. 1884. С. 219.

⁵⁴ Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии. С. 7.

⁵⁵ См.: Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857). С. 80.